РУЛЬ

20 Pfennig

29. 3. 1928

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Gegründet von I. Hessen, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff †

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНѢ

Подписная цѣна: Въ Берлинѣ и пригородахъ, съ доставкою ежедн. на домъ 4.30 герм. мар. въ мѣсяцъ. Во всѣхъ почт. учрежд. Германіи 4.20 герм. мар. въ мѣсяцъ (и по 36 пф. почт. расх. за доставку). Внѣ Германіи въ Европ. страны: Австрію 8 шил., Англію 5 шил., Бельгію 7.50 бельга, Болгарію 150 лев., Венгрію 4 пенго, Голландію 3.— голл. гульд., Грецію 100 др., Данію 4.50 д. кр., Данц. обл. 6.— гульд., Испанію 8.— пес., Италію 25 лиръ, Латвію 5.— латъ, Литву 11.— литъ, Норвегію 4.50 норв. кронъ, Польшу 1.— амер. долл., Португалію 20.— эскуд., Румынію 200 лей (для Бессарабіи 150 лей), Турцію 200 піастр., Финляндію 45 ф. мар., Францію 25.— франц. фр., Чехословакію 35.— чешск. кр., Швейцарію 6.— шв. фр., Швецію 4.— швед. кронъ, Эстонію 400 эст. мар., Югославію 60 дин. въ мѣс. Во внѣевропейскія страны: Азію вест. 1.20 долл. экс., Азію экз. 5 англ. шил., Инд. Инд. 3.— голл. гульд., Америку вообще 1.20 долл., Аргент. респ. 1.30 зол. песо, Бразилію 7.— мильр., Чили 12.50 бум. песо, Африку Англ. влад. 5 англ. шил., Итальянск. влад. 35 кт. лиръ, Франц. влад. 30.— фр. фр. въ мѣс. Къ заказу просятъ прилагать деньги во избѣжаніе замедленія высылки.
Текущіе почтовые счета: для Германіи — Berlin № 27156; для Чехословакіи — Praha № 77354; для Югославіи — Београд № 68020 — для Польши P. K. O. — Warszawa № 9668.

Объявленія:

1 милл. строка (ширина 22 мм.)	0.20 М.
Объявленія семейн. характера, за строку	0.15 М.
Присяжные повѣренные	0.15 М.
Врачи и лишніе труда	0.10 М.

При крупныхъ заказахъ скидка по тарифу. Заграничныя объявленія по особому тарифу

Адресъ редакціи и конторы:
Berlin SW 48, Friedrichstraße 16, Aufgang 6.
Телефонъ: Dönhoff 5567 и 5568
Адресъ для телеграммъ: Rulzeitung Berlin
Редакторы принимаютъ ежедневно отъ 1½ — 3½ часа дня.

Основанъ I. В. Гессеномъ, проф. А. И. Каминка и В. Д. Набоковымъ †

Berlin, 29. März 1928. Wochentags-Ausgabe Nr. 63.

№ 2232-й | Четвергъ, 29 Марта 1928 г. | 9-й г. изд.

Берлинъ, 28 марта.

ПЕРЕПИСКА. Переписка между совѣтскимъ бывшимъ кадровымъ офицеромъ и генераломъ Деникинымъ, опубликованная въ № 70 «Борьбы за Россію» справедливо обратила на себя вниманіе зарубежной печати.

Старый офицеръ былъ когда то сподвижникомъ Деникина. Онъ остался въ СССР, сросся съ красной арміей и въ обращеніи къ своему бывшему начальнику или сослуживцу оправдываетъ и ее и себя. Въ патріотическихъ чувствахъ своихъ онъ не измѣнился, и служить за совѣсть въ надеждѣ на новую, свободную Россію. Съ объясненіями, отчасти и укоризной, но и съ желаніемъ общей работы обращается онъ къ бѣлому генералу. И бѣлый генералъ объединяется съ нимъ въ надеждѣ на общую борьбу за освобожденіе родины. Повидимому, найденъ общій языкъ, рисуется возможность общей работы. Тѣмъ самымъ совершенъ уже и отдаленный приступъ къ ней.

Разсужденія совѣтскаго офицера, надо думать, раздѣляются многими, ибо многіе находятся въ его положеніи; этимъ и опредѣляется ихъ интересъ. Этотъ офицеръ душой былъ съ бѣлыми, долго надѣялся на ихъ побѣду, но остался съ красными. Для того ли, чтобы и при большевикахъ строить русскую армію? Отнюдь нѣтъ. Причины были другія, по его объясненіямъ: растерянность офицерства, сотни препятствій, «не хватало пороху», нищета и опасность для семьи.

Какъ не понять по человѣчеству эти слишкомъ человѣческіе мотивы. Указанія Деникина на трагическія переживанія множества бѣлыхъ офицеровъ въ томъ числѣ и виднѣйшихъ генераловъ, чьи семьи въ страшные годы оставались въ предѣлахъ досягаемости большевиковъ, — рисуютъ картину героическую и возвышенную; но героизмъ не обязателенъ для каждаго изъ десятковъ тысячъ офицеровъ и для всѣхъ ихъ семей. И то, что съ бѣлыми ушли изъ Ростова двѣ-три тысячи офицеровъ, а черезъ нѣсколько дней пошли на совѣтскую регистрацію (частью, значитъ, и на гибель) многія тысячи — не мѣняетъ понятности «по человѣчеству»: объясненіе вѣдь дано — растерянность, пороху не хватило, семья.

Потомъ наступаютъ мучительные «первые годы» совѣтской службы. Безправность, чека, глумленіе. Нѣтъ, генералъ Деникинъ не правъ, противопоставляя этому страдный эмигрантскій путь — на немъ не было такихъ униженій. Что было дѣлать, повѣствуетъ дальше старый офицеръ, — бѣжать къ бѣлымъ? Но и тутъ опасенія опасностей, иногда смертельныхъ, и во всякомъ случаѣ — недовѣрія. Всюду «сотни препятствій», и какъ снова не понять этого слишкомъ человѣческаго. Но еще и другія муки присоединились къ этимъ опасностямъ: подавленность въ борьбѣ съ тѣми, кому сочувствуешь....

Естественно, что когда кончилась гражданская война и жизнь перешла въ колею мирной службы, старый офицеръ, собесѣдникъ генерала Деникина и всѣ, одинаково съ нимъ чувствующіе, вздохнули облегченно. Наконецъ можно было уйти цѣликомъ въ свои профессіональныя занятія, для которыхъ у добросовѣстнаго и знающаго свое дѣло человѣка всегда хватитъ пороху; для растерянности причинъ больше не было, не было и особенныхъ мукъ. Оставались, конечно непріятности: періодическія большія чистки, полунищенское существованіе, взаимное недовѣріе. Но на это жаловаться ужъ, дѣйствительно, было бы грѣшно, ибо не общая ли это судьба всѣхъ обывателей совѣтской страны.

На фонѣ мирной и добросовѣстной профессіональной работы естественно происходитъ сближеніе съ другими соратниками данной профессіи, естественно оживаютъ и привычныя въ прошломъ чувства; старый офицеръ радуется зарожденію національнаго сознанія у краскомовъ, радуется плодамъ своей профессіональной работы, патріотически связывая ихъ съ благомъ родины. Кругомъ Россіи враги, красная армія ее защищаетъ. Однако, извѣстно, что война есть продолженіе политики, и извѣстно, какова политика совѣтская. Извѣстно, что армія и военное дѣло тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ духомъ страны, съ хозяйствомъ страны, со строемъ страны. Извѣстно и каковы совѣтскіе духъ, строй, хозяйство. И потому спасеніе Россіи во всякомъ случаѣ не въ одной арміи, а въ измѣненіи духа, строя, хозяйства Россіи.

Вотъ здѣсь новая тревога охватываетъ стараго офицера. Онъ слышалъ, что на него возлагаютъ надежды не только по части службы въ арміи, но и по части служенія Россіи; что его, стараго офицера, мысленно выдѣляютъ изъ состава арміи. Онъ тревожится и предупреждаетъ: «Извините, если ужъ подыматься, такъ всѣмъ міромъ». Всѣмъ міромъ подыматься конечно хорошо и гораздо вѣрнѣе; пожалуй, даже единственно цѣлесообразно. Но кто нибудь долженъ же быть запѣвалой или, скажемъ, авангардомъ.

Ясно, что этимъ кѣмъ нибудь не хочетъ, да и не можетъ, быть собесѣдникъ ген. Деникина. Онъ тревожится за будущее, онъ боится «суда и расправы», опасается «замѣны», и заранѣе предупреждаетъ, что «красные командиры... никому своихъ мѣста не уступитъ и первый не выгодно онъ не согласенъ на сотрудничество съ эмигрантами, онъ даже желаетъ съ ними общей работы, но — мѣста не уступятъ и первый не выступитъ. Какъ не понять по человѣчеству: опять сотни препятствій, опять угроза нищеты и расправы, а вѣдь пороху не прибыло за годы униженій, мукъ и подавленности.

Человѣческое, слишкомъ человѣческое понятно — слишкомъ понятно, и слово укоризны сорвется только у того, кто себя чувствуетъ героемъ. Но выводы должны быть сдѣланы. Стараго офицера правильно успокоить — какъ это и дѣлаетъ Деникинъ — справедливымъ увѣреніемъ, что онъ останется служить, онъ и дѣйствительно будетъ хорошимъ, опытной служакой и въ новомъ строѣ, и будетъ и его армію укрѣплять такъ же добросовѣстно, но еще съ большей любовью, чѣмъ нынѣшнюю. Но расчитывать на него для созданія новаго строя не приходится — слишкомъ ужъ много за плечами растерянности, униженій, недостатка пороху. Конечно, онъ не будетъ и противодѣйствовать, наоборотъ, всѣмъ міромъ и онъ пойдетъ. Но поведетъ кто-то другой.

УСПѢХИ СЕКТАНТСТВА

Донецкій заговоръ.

Въ сектантскомъ движеніи, ростъ котораго похожъ на снѣжный комъ, наиболѣе замѣтную роль играютъ теперь евангельскіе христіане. Серьезнымъ и прочнымъ успѣхомъ ихъ дѣятельность пользуется среди молодежи, особенно среди вузовцевъ. Вообще — въ сектантствѣ молодежь составляетъ много больше половины состава. Въ послѣднее время ОГПУ обратило вниманіе на успѣхи евангельскихъ христіанъ среди красной арміи и флота. Такая цитадель революціи, какъ Кронштадтъ, оказалась мирно завоеванной ев. христіанами. Краснофлотцамъ ихъ проповѣдь, отличающаяся проникновенной искренностью, пришлась какъ нельзя больше по душѣ. Ев. христіане въ послѣднее время рѣшительно избѣгаютъ открытыхъ диспутовъ, потому что союзъ безбожниковъ проявляетъ необычайную наглость и изумляетъ грубымъ циническимъ надругательствомъ.

Отношеніе къ спецамъ ярко засвидѣтельствовано на созывѣ именно теперь въ Москвѣ конференціи агрономовъ. Всѣ газеты полны сообщеній и дебатовъ о посѣвной кампаніи, настойчиво отмѣчаютъ неподготовленность, безпорядки и именно въ такую минуту агрономовъ снимаютъ съ мѣстъ и заставляютъ сидѣть въ Москвѣ и выслушивать благоглупости Кубяка, которому даже официозы довольно недвусмысленно даютъ понять, что лозунгъ «шапками закидаемъ» недостаточно для засѣва.

Въ Берлинѣ вернулся вслѣдъ за инженеромъ Гольдштейномъ и командированный въ Москву послѣ извѣщенія объ арестѣ инженеровъ представитель фирмы A.E.G. директоръ Блейманъ. Газета «B.Z.» сообщаетъ, что ея сотрудникъ бесѣдовалъ съ крупнымъ берлинскимъ промышленникомъ, весьма заинтересованнымъ въ экономическихъ сношеніяхъ съ Россіей. Этотъ весьма извѣстный и далеко за предѣлами Германіи промышленникъ очень скептически оцѣниваетъ будущность совѣтской индустріализаціи. Коренная причина лежитъ въ установленной ВСНХ системѣ, рѣзко противорѣчащей укладу европейскаго предпринимательства. Торговые пріемы совѣтскихъ представителей отличаются мелкой хитростью, направленной къ тому, чтобы стравливать между собой конкуррентовъ. И на этомъ пути красные купцы доходятъ до того, что различныя части оборудованія покупаютъ у разныхъ фирмъ, а потомъ удивляются, что въ результатѣ ничего не выходитъ. Недостатокъ спеціалистовъ составляетъ вторую причину, иностраннымъ же спеціалистамъ все труднѣе становится принимать приглашенія при тѣхъ порядкахъ, которые совѣтскій режимъ установилъ. Достаточно, если иностранный гость, ужаснувшись тому что онъ передъ собой видитъ, употребитъ рѣзкое словечко вродѣ «свинскаго хозяйства», или если онъ привезетъ изъ любезности эмигранту письмо «къ подозрительному лицу», чтобы уже быть арестованнымъ. Правда, прошлогодній неурожай въ Россіи несомнѣнно въ достаточной мѣрѣ объясняетъ повышенную нервность совѣтской власти, но у германскихъ фирмъ нѣтъ никакой охоты служить козломъ отпущенія внутреннихъ затрудненій совѣтской власти и поэтому отъ дальнѣйшихъ сношеній придется отказаться, если совѣтская власть не дастъ какихъ нибудь новыхъ и твердыхъ гарантій, что больше такихъ случаевъ повторяться не будутъ. О новыхъ кредитахъ, при создавшихся условіяхъ, конечно, не можетъ быть рѣчи.

Сегодня въ номерѣ:

Переписка.
Разоружительная летаргія. — Б. Никольскаго.
Подъ водой. — Б. Пильняка.
Зарубежные русскіе. — А. С. Изгоева.
Въ Лондонѣ бросается въ глаза... — Г. Попова.
Кто виноватъ? — Мака (К. Г.)
Катакомбы въ Петербургѣ. (К. Пр.)

Разоружительная летаргія

Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ Лига Націй, она занимается разрѣшеніемъ вопроса о разоруженіи. И занимается усиленно. Газетной статьи не хватило бы для перечисленія всѣхъ комиссій и подкомиссій, конференцій и резолюцій, что остались на память объ этой работѣ.

Можно быть разнаго мнѣнія о ней. Графъ Бернсторфъ, напримѣръ, назвалъ ее въ одной изъ своихъ рѣчей за эту недѣло — «летаргіей».

Появленіе въ Женевѣ совѣтцевъ, которыхъ такъ хотѣлось видѣть въ Лигѣ Націй сторонникамъ ея «универсализаціи» ничего не измѣнило. Развѣ только придало «летаргіи» характеръ балаганчика.

Наибольшая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ безспорно «наркомпросу» Луначарскому. Ему поручено было отвѣтить Политису, блестящему оратору, взявшему на себя роль адвоката Лиги Націй и вдоволь поиздѣвавшемуся надъ совѣтскимъ проектомъ. Луначарскій поднялъ перчатку и послѣ блестящей рѣчи Политиса членамъ комиссіи пришлось выслушать нѣчто предназначенное для московскихъ піонерокъ и къ тому же неувѣренно прочитанное по запискѣ, которая замѣтно дрожала въ рукахъ народнаго комиссара, оробѣвшаго передъ недоступными для чекистовъ международными спецами.

«Въ противоположность греческому делегату мы думаемъ, что надо начинать не съ моральнаго разоруженія и не съ укрѣпленія чувства извѣстной внѣшней безопасности. Ибо какъ только будутъ уничтожены матеріальныя вооруженія, это произведетъ такое впечатлѣніе, что у народовъ пропадетъ охота больше воевать...» Вотъ буквально все, что было сказано Луначарскимъ въ обоснованіе совѣтскаго проекта и въ дополненіе къ рѣчи Литвинова, которому Политисомъ было поставлено на видъ, что онъ все нападалъ на другихъ, а въ защиту собственнаго проекта ровно ничего сказать не смогъ. Веселый смѣхъ показалъ, какъ отнеслись присутствующіе къ сказавшемуся въ приведенныхъ словахъ умственному уровню безсмѣннаго совѣтскаго руководителя народнымъ просвѣщеніемъ.

Но еще больше развеселило членовъ комиссіи послѣдовавшее вскорѣ за рѣчью Луначарскаго неожиданное заявленіе Литвинова, что совѣтская делегація «убѣдившись въ несочувственномъ отношеніи къ ея проекту», готова пойти на значительныя уступки и съ этою цѣлью вносить второй проектъ, который просить немедленно разсмотрѣть.

Нужно ли говорить, что Литвинову разяснили, — и притомъ съ весьма снисходительной улыбкой, — что конституція Лиги Націй устанавливаетъ гораздо болѣе обстоятельный порядокъ разсмотрѣнія проектовъ, чѣмъ тотъ, который практикуется въ Москвѣ для угодныхъ партіи законовъ. Предложеніе Литвинова было поэтому единогласно отвергнуто. Онъ только добился, что изоляція совѣтской делегаціи, замаскированная была словами «сочувствія» идеямъ перваго проекта со стороны германской и турецкой делегацій, — на этотъ разъ оказалась полнѣйшей.